

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА И ФОЛЬКЛОР

УДК 398.1

Л. А. Казакова

ПРЕДАНИЯ О ЗАСЕЛЕНИИ И ОСВОЕНИИ КРАЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ФОЛЬКЛОРНОГО АРХИВА ПСКОВГУ)*

В статье представлены результаты анализа общего состава преданий о заселении и освоении края, записанных в период с 1977 по 2011 гг. в ходе фольклорных экспедиций филологического факультета Псковского государственного университета и сосредоточенных в фондах фольклорного архива университета. Установлено, что ведущими в данном цикле являются мотивы основания селения группой первопоселенцев, переселения деревни на новое место, выбора места для основания селения / строительства культового сооружения, происхождения топонима, оставления ранними поселенцами / прежними насельниками следов своего пребывания в той или иной местности. Особое внимание уделяется сочетанию реалистических и архаических элементов в структуре выявленных мотивов.

Ключевые слова: предание, предание о заселении и освоении края, мотив, фольклорный текст, первопоселенец.

L. A. Kazakova

THE TRADITION ABOUT THE SETTLEMENT AND DEVELOPMENT OF THE PSKOV REGION (BASED ON THE PSKOV STATE UNIVERSITY FOLKLORE ARCHIVE)

The results of analysis of total traditions of the settlement and development of the region, recorded between 1977 and 2011 at the Faculty of Philology of folklore expeditions Pskov State University and concentrated in the university library collections of folklore. Found that the leading in this cycle are the motives of the base group of the first settlers of the village, the village relocation to a new location, select a location for the base of the village / build a place of worship, descent, place name, leaving early settlers / former inhabitants of the traces of their stay in a particular area. Particular attention is paid to the combination of realistic and archaic elements in the structure of the identified motifs.

Key words: tradition, the tradition of the settlement and development of the region, motive, folklore text pervoposelenets.

Первыми русскими летописцами предания расценивались в качестве важнейших источников информации. Свидетельством этого является текст «Повести временных лет». Первыми преданиями, попавшими на ее страницы, являются предания о заселении и освоении края. Именно они давали ответ на вопрос, поставленный в начале этого труда: «Откуда пошла Русская земля, кто в Киеве стал первым княжить и как возникла Русская земля». Родоплеменные предания рассказывали о происхождении народов и их названий, о расселении и переселении племен, об их родоначальниках (нередко двух или трех братьях), закрепивших родство народов, основавших города и давших им свои имена: «И пошли за море к варягам, к руси.

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Русская народная историческая проза Псковской области»), проект № 12–14–60000

Те варяги назывались русью [...]. Сказали руси чудь, словене, кривичи и весь: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами». И избрались трое братьев со своими родами, и взяли с собой всю русь, и пришли, и сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой, Синеус, — на Белоозере, а третий, Трувор, — в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля» [8, с. 7, 17].

Территория Псковской области является одной из самых ранне заселенных славянами территорий России. И хотя рассказов о начальном периоде освоения этих земель народная память не сохранила, предания о заселении и освоении края составляют наибольшую часть сосредоточенных в фондах фольклорного архива ПсковГУ произведений русской народной исторической прозы.

Основным типом поселения крестьян-земледельцев на Псковщине была деревня, в период развитого феодализма представлявшая собой однодворный или малодворный населенный пункт. Такую деревню населяла семейная община с коллективным хозяйством, которая по мере развития феодализма и естественного прироста населения стала делиться, что привело к укрупнению деревень, строительству новых дворов, а затем и к подселению новоселов, не связанных родством с местными жителями. Все эти процессы нашли отражение в псковских преданиях о заселении и освоении края, которые воспроизводят относительно небольшое число однотипных ситуаций. В них получили отражение процессы миграции на территории региона, и прежде всего появление в конкретном месте новых поселенцев, которые обычно определены по социальным признакам (это духовные лица, переселенцы, ссыльный), по прежнему месту жительства (часто это жители соседних деревень или хуторов), по признаку этнической (поляки, латыши, белорусы, эстонец), а иногда и религиозной принадлежности (староверы, пашковцы).

Изложение сказителями реальных событий корректируется их включением в структуру традиционных мотивов, среди которых в преданиях данного цикла доминируют выделенные Н. А. Криничной в Указателе типов, мотивов и основных элементов преданий [7, с. 278–294] типы Е — «Основание селения», З — «Происхождение топонима», Г — «Пребывание (былое) данного персонажа или определенной общности в конкретной местности». Помимо названных мотивов, данный цикл преданий формируют мотивы А — «Происхождение определенной общности», В — «Появление поселенцев в конкретной местности», Д — «Выбор места для основания селения (объекта культового назначения)», Ж — «Основание (предполагаемое или осуществленное) строительного объекта», К — «Хозяйственная деятельность персонажа (-й)» и Ф — «Оставление следов пребывания в конкретной местности».

По времени такие предания локализуются чрезвычайно редко: «в царские времена еще», «Деревня возникла в тот период, когда русское государство боролось с польско-литовскими захватчиками. Когда поляки во Псков шли со Стефаном Баторием. Это где-то 1581 год», «Она появилась еще до войны, где-то, наверно, в 40-м году»¹. Обычно же время события не оговаривается особо, либо предание содержит указание на неопределенность времени: «Это не на моей памяти [...] А тут уж вот моя мама и то не помнит. Деревня-то давняя»².

Наиболее часто предания данного цикла повествуют об основании селения группой первопоселенцев, обычно однородной по социальному / этническому составу, нередко связанной семейными отношениями. Так, например, в деревне Латышово Псковского района рассказывают о первоначальном освоении незаселенной земли двумя латышами, в деревне Воронцово Островского района — о группе духовных лиц, основавших церковь, вокруг которой со временем образовалось селение³. Само по себе изображение многих лиц — сравнительно позднее завоевание эпоса — свидетельство позднего характера псковских преданий.

В ряде преданий в роли основателей селения выступают братья (таковы, например, предания о происхождении топонима *Братки*, об основании д. Гаево⁴). При этом известные русскому фольклору предания об основании братьями соседних селений, уходящие генетически корнями в родоплеменные сказания [6, с. 31–32], равно как и предания об основании двух хуторов соседями-первопоселенцами, записями фольклорного архива ПсковГУ не фиксиру-

ются. Псковскими преданиями утрачен архаический характер изображения братьев-первопоселенцев, однако привлечение сравнительного материала и устойчивость данного мотива на Псковщине позволяют предполагать, что мы имеем дело со следами традиции, уходящей вглубь веков.

Несколько реже рассказывают на Псковщине об основании первоначально однодворного хутора одним первопоселенцем.

Согласно наблюдениям ученых, в наиболее древних преданиях «основатель селения наделяется всеми признаками героизируемого предка, а подчас мифолого-эпического или же мифологического персонажа» [6, с. 37]. Следствием ослабления традиции является тот факт, что на Псковщине основатель селения обычно не наделяется рассказчиками выдающимися качествами. Лишь в некоторых текстах первопоселенец «сохраняет за собой рудиментарные признаки своих архаических предшественников — мифических, мифолого-эпических, эпических персонажей и — соответственно — воплощает в себе определенную общность» [5]. С этой точки зрения примечательно предание о происхождении топонима *Лапина гора*, записанное в 2007 г. от Александры Александровны Захаровой, 1933 г.р., в д. Бабинино Звонской вол. Опочецкого р-на⁵. Архаичность образа первопоселенца Лапы, проявляющаяся в гиперболизации его роста, позволяет поставить его в один ряд с богатырями ранних русских преданий, в которых, согласно наблюдениям Н. А. Криничной, «основатель селения, родоначальник подчас изображается человеком гигантского роста, могучего телосложения, необыкновенной силы» [3, с. 8].

Особое отношение к первопоселенцу объясняется в русле мифологических представлений, связанных с культом предков: согласно народным поверьям, после своей смерти первопоселенец становится духом основанной им деревни. В этом контексте поддается истолкованию распространенность (в том числе и на Псковской земле) мотива происхождения топонима от имени первопоселенца: «получая имя своего основателя, селение вместе с ним обретает и жизненную силу, заключенную в имени» [4, с. 97].

В поздних преданиях образ основателя селения подвергается переосмыслению, в связи с чем в основном корпусе преданий фольклорного архива ПсковГУ отмеченная традиция проявляется в модифицированном виде: обобщенно-эпическое изображение героя сменяется в них конкретно-историческим. Основатель селения либо ранний житель предстает в этих рассказах уже как реальное лицо, впрочем, выделяющееся из окружения: это рачительный крестьянин («холюн»), помещик, построивший дорогу, осушивший болота, расчистивший поля под посевы, или поп, основавший церковь, вокруг которой со временем возникло село.

Первые поселенцы рисуются иногда своего рода «культурными героями» — они вводят какие-либо новшества, ремесла: «они здесь очень много в тое время обрабатывали землю, ломали, копали канавки, осушали земли»⁶.

Современные записи преданий повествуют об основании деревни, в которой уже далеко не все жители связаны между собой родственными отношениями, однако фигура первопоселенца продолжает занимать в произведениях этого жанра особое место. Коренные жители связывают с ним происхождение своей фамилии, свою родословную; остальные осмысливают его в качестве родоначальника определенной группы семей⁷.

С ростом поместного землевладения на Псковщине начался процесс сселения мелких деревень. Решающий перелом в деле перехода от индивидуального крестьянского хозяйства к общественному произошел в 1920–1930-е гг., когда, по мнению органов Советской власти, хуторские хозяйства стали тормозить проведение коллективизации. Между тем в 1926 г. на их долю в Псковской области приходилось 29,3 % всего крестьянского землевладения [2, с. 167]. Сложный процесс ликвидации хуторов и переселения крестьян в деревни сохранился в памяти жителей псковской деревни как один из наиболее драматичных моментов в истории края. «Раньше ж сгоняли с хуторов [...]. Их оттуда, с маленьких деревень, я всё говорю, чтоб немцам лучше было бомбить деревню, сгоняли с маленьких в большие деревня», — вспоминает Мария Ивановна Семенова, 1927 г. р. из д. Торчилово Великолукского района⁸.

Вместе с тем переселение деревни на новое место предания нередко объясняют поиском наиболее удобного для жительства места. Так, согласно преданию, д. Добычи Палкинско-го района переселилась «поближе к озеру»⁹.

Выбор места по принципу удобства расположения является ведущим мотивом в поздних преданиях об основании селений. Как известно, при выборе места положения своих селений крестьяне умело использовали природные условия — рельеф местности, водоемы, леса, пригодные для земледелия почвы. С глубокой древности псковичи располагали селения по берегам рек, ручьев и озер, которые обеспечивали жителей водой, снабжали рыбой и служили основными путями сообщений. Поэтому нередко исполнители характеризуют местность, которую выбрали поселенцы для освоения: «Место погоста этого было выбрано удачно. Во-первых, это моренная гряда на холме, здесь никогда воды не будет и всегда будет сухо — это раз, второе — недалеко была речка»¹⁰.

В качестве символа освоения новых земель в преданиях изображается возведение культового сооружения. В основе ряда псковских преданий в качестве сюжетообразующих лежат древнейшие версии мотива выбора места для сооружения культовой постройки. Во-первых, это мотив основания храма на месте языческого капища (возведение христианского культового сооружения на месте языческого святилища должно было способствовать искоренению остатков языческих верований: неслучайно сразу же после крещения Руси Владимир «приказал рубить церкви и ставить их по тем местам, где прежде стояли кумиры. И поставил церковь во имя святого Василия на холме, где стоял идол Перуна и другие и где творили им требы князь и люди» [8, с. 81]). Так, на месте языческого капища хотели поставить православный храм в д. Зародище Себежского района¹¹. Во-вторых, это известный также легенде и житийной литературе мотив возведения христианского культового строения на месте явления иконы. В науке отмечено, что последняя версия мотива отражает чисто формальную христианизацию языческого обряда определения места для поселения и основания церкви; неслучайно христианские атрибуты причудливо сочетаются в таких преданиях с языческими, исходно служившими объектами поклонения, — деревом, камнем, водой. Например, в предании, записанном в д. Пятоново, речь идет о возведении часовни на месте явления на дереве иконы¹². С традиционным в язычестве объектом поклонения — священным деревом — икона как атрибут христианской обрядности сочетается также в преданиях, записанных в дд. Ступино Опочецкого района, Струково Псковского района, Тиней Порховского района.

Особый тип преданий данного цикла составляют рассказы о возникновении и последующем запустении монашеских поселений (скитов, монастырей). Абсолютное большинство преданий этого типа составляют рассказы об основании Свято-Благовещенской Никандровой пустыни (основана в 1585 г.) — православном монастыре, получившем свое название в память подвизавшегося здесь пустынножителя и чудотворца преподобного Никандра Псковского; записано также предание об основании монастыря при храме Рождества Пресвятой Богородицы преподобным Серапионом Изборским, чьи мощи покоятся под спудом храма, и предания о Вербиловском монастыре близ д. Алоль Пустошкинского района. В них запечатлено различное отношение местных жителей к факту появления монастыря: от одобрения («кто безродный, там питался [...] кто б ни пришел бы — ночлег. И накормят, и напоят»¹³) до порицания отнюдь не благочестивого поведения монахов («когда католические монахи жили, они все там пропили, мужики! Пропили все! И поборы устраивали и среди людей. И кресты на себе пропили!»¹⁴). В одном из преданий, записанных в Порховском районе, содержится воспоминание о работе местных крестьян на монастырь за право пользования монастырской землей.

Признаком обжитого края является закрепление устойчивых географических названий за различными объектами и «микрообъектами». В соответствии с этим цикл преданий о заселении и освоении края включает в себя совокупность мотивов, относящихся к типу 3 — «Происхождение топонима». Предания, содержащие в себе тот или иной топонимический мотив, представлены в данном цикле достаточно широко. Топонимический мотив в них не-

редко является сюжетообразующим, в то время как в преданиях, отражающих иные аспекты социально-общественной жизни коллектива, он обычно оказывается на периферии.

Топонимический мотив встречается почти в половине преданий фольклорного архива ПсковГУ, что свидетельствует о неподдельном интересе, который жители Псковщины проявляли в отношении возможности истолкования топонимов, репрезентирующих физическое пространство окружающего их мира, о том, как бережно они относились к истории и культуре своей малой родины.

Наиболее обширную группу псковских преданий с топонимическим мотивом составляют рассказы, в которых географическое название объясняется особенностями местности. В них аккумулированы наблюдения жителей Псковского края над природой, подмечены уникальные черты родной земли, своеобразие ее ландшафта, растительного и животного мира, выражено поэтическое ее восприятие.

Наибольшая часть преданий данной группы связывает появление топонима с физико-географическими свойствами места. Деревни нередко получают названия по имени близлежащего водоема (дд. Глубокое, Ливица, Залахтовье и др.) или, напротив, гидроним — по имени ближайшего селения (р. Лазавица); микротопонимы иногда возникают на основе внешнего сходства с живым явлением природы (предание о Конь-камне, записанное в Пушкиногорском районе), но чаще всего основой для появления топонима становятся отдельные признаки рельефа местности (так, д. Гривы Островского района получила свое название от слова «грива», обозначающего значительную по протяженности возвышенность). В ряде преданий название географического объекта связывается с особенностями местной флоры или фауны.

Вторая по частотности версия топонимического мотива — происхождение географического названия по случайному признаку (народная этимология). Почва для народной этимологии возникает тогда, когда подлинная причина появления топонима оказывается забытой. В этом случае пытливый ум, нацеленный на объяснение реальных фактов, обращается к вымыслу, который, как правило, не соотнобразуется ни с историческими, ни с географическими, ни с лингвистическими закономерностями. Однако и эти предания расцениваются рассказчиком и слушателями как правдоподобные, поскольку зачастую не лишены внешних признаков достоверности: например, топонимический мотив, основанный на народной этимологии географического названия, бывает связан с историческим лицом, пребывание которого в данной местности подтверждается фактами.

Народная этимология связывает происхождение топонима с каким-либо фактом в истории края либо с природными особенностями местности. Иногда признаками, положенными в основу сближения, становятся характеристика жителей селения, имя (прозвище) исторического лица или местного жителя, род занятий жителей. В единичных случаях основой для возникновения вымысла становится попытка истолковать незнакомое слово, которое квалифицируется как иноязычное.

Еще одну представленную большим корпусом текстов версию топонимического мотива содержат предания, в которых топоним возводится к фамилии, имени или прозвищу первопоселенца / раннего жителя. В каждом конкретном случае такое соотнесение нуждается в специальных разысканиях, поскольку «имя основателя в рамках преданий подчас не столько определяет топоним, сколько само с разной степенью вероятности выявляется из этого топонима» [5].

Многие псковские предания связывают происхождение топонима с историческими событиями, с именами исторических лиц (княгини Ольги, Екатерины II, литовского князя Витовта, Петра I), с названием рода занятий основателя или жителей селения, с объектом культурного назначения, с социальной или половозрастной принадлежностью раннего поселенца либо владельца местности, с этнической принадлежностью первопоселенца либо внешних врагов, приходивших в данную местность, с наименованием местности, откуда пришли первопоселенцы [1].

Наряду с названными выше мотивами заметное место в преданиях о заселении и освоении края занимает мотив оставления ранними поселенцами / прежними насельниками следов своего пребывания в той или иной местности. Одна из версий этого мотива — древние захоронения. В преданиях такие захоронения предстают в качестве природных объектов (например, *Липина гора* в Опочечком районе) или искусственно созданных курганов, насыпей, жальников. В доказательство того, что здесь действительно погребены ранние поселенцы, приводятся свидетельства о нахождении на том или ином месте огромных костей, могильных крестов: «Вот с той стороны карьер, тоже кто-то захоронен. Хоронился кто-то. Но на небольшой такой глубины. Ляжит скелет, вот как-то даже перегнулся. Кости, мы мерили, ни к рукам подходят, ни к ногам — больше наших. А головы — черяпа маленькие. А кто они, когда хоронены, тоже никто ня знает»¹⁵.

Содержат псковские предания и вторую версию мотива — оставление ранними поселенцами различных памятников материальной и духовной культуры: разрушенных капищ, идолов, предметов быта. Судя по преданиям, иногда такие предметы древней культуры становятся объектами культового поклонения местных жителей. Так, записано несколько рассказов о поклонении современных жителей Струго-Красненского района каменной бабе, стоящей в д. Поречье. Согласно рассказу Анастасии Ивановны Ивановой, 1915 г.р., «Снаряжали ону в год раз, как придут в Маковой, старую одёжу уберут с ней и подвяжут платок, наденут кофту. И она так стоит год. На второй год опять придут, молятся Богу»¹⁶. Любопытную информацию содержит рассказ Ольги Ивановны Пуриной, 1974 г., жительницы д. Зародище Себежского района: «В музее Себежском каменная баба с нашего района Себежского, каменная баба. Вот к ней и носили как-то и угощение как приношение, даже в музей. И бусы, и угощение»¹⁷.

Таким образом, исторические реалии, входящие в качестве структурных элементов в состав тех или иных мотивов преданий о заселении и освоении края, сочетаются в них с мифолого-эпическими, постепенно вытесняя последние из структуры текста, но претерпевая при этом определенные изменения, что ведет к появлению анахронизмов, отступлений от фактов и создает почву для проявления народной фантазии.

Предания о заселении и освоении края — один из циклов преданий, наиболее очевидно сохраняющий память народа о прошлом его малой родины, связывающий человека с его историей и предками. Основывающиеся на многовековой традиции, они отражают различные аспекты социально-общественной жизни и истории Псковской земли.

Примечания

¹ Зап. от И. П. Дубкова, 1957 г. р., в д. Козлы (Линовской вол.) Пыт. р-на // ФА ПсковГУ за 1999 г., т. 7, л. 14 об.–15 об.; зап. от Н. Ю. Осиповой, 1947 г. р., в д. Морозовка (Томсинской вол.) Себ. р-на // ФА ПсковГУ за 2003 г., т. 1, № 1, кассета СЕБ 2003 – 1; зап. от М. И. Семеновы, 1927 г. р., в д. Торчилово (Лычевской вол.) В.-Л. р-на // ФА ПсковГУ за 2011 г., т. 4, № 11.

² Зап. от Л. С. Давыдовой, 1922 г. р., в д. Артемы (Линовской вол.) Пыт. р-на // ФА ПсковГУ за 1999 г., т. 7, л. 69, кассета ПЫТ 1999 – 17.

³ Зап. от О. Т. Ивановой, 1927 г. р., в д. Латышово (Ядровской вол.) Пск. р-на // ФА ПсковГУ за 2008 г., т. 1, № 158; зап. от Ф. И. Иванова, 1911 г. р., в д. Воронцово (Воронцовской вол.) Остр. р-на // ФА ПсковГУ за 1995 г., т. 1, № 1.

⁴ Зап. от И. С. Яковлева, 1931 г. р., в д. Хлеборадово (Чернецовской вол.) Дед. р-на // ФА ПсковГУ за 2007 г., т. 1, л. 21; зап. от Н. О. Онуфриевой, 1926 г. р., в д. Гаево (Алольской вол.) Пуст. р-на // ФА ПсковГУ за 2005 г., т. 2, № 6.

⁵ Зап. от А. А. Захаровой, 1933 г. р., в д. Бабинино (Звонской вол.) Опоч. р-на // ФА ПсковГУ за 2007 г., т. 1, № 3.

⁶ Зап. от О. Т. Ивановой, 1927 г. р., в д. Латышово (Ядровской вол.) Пск. р-на // ФА ПсковГУ за 2008 г., т. 1, № 158.

⁷ См., напр., зап. от Н. Ю. Осиповой, 1947 г. р., в д. Морозовка (Томсинской вол.) Себ. р-на // ФА ПсковГУ за 2003 г., т. 1, № 3; зап. от И. П. Дубкова, 1957 г. р., в д. Козлы (Линовской вол.) Пыт. Р-на // ФА ПсковГУ за 1999 г., т. 7, л. 14 об.–15 об.

⁸ ФА ПсковГУ за 2011 г., т. 4, № 11.

- ⁹ Зап. от В. Ивановой, 1941 г. р., в д. Добычи (Новоуситовской вол.) Палк. р-на // ФА ПсковГУ за 2008 г., т. 1, № 70.
- ¹⁰ Зап. от М. Н. Федорова, 1924 г. р., в д. Дубровно (Дубровенской вол.) Порх. р-на // ФА ПсковГУ за 2007 г., т. 1/1151, № 17.
- ¹¹ Зап. от О. И. Пуриной, 1974 г. р., в д. Зародище (Идрицкой вол.) Себ. р-на // ФА ПсковГУ за 2011 г., т. 3, № 4.
- ¹² Зап. от Т. В. Мироновой, 1948 г. р., в д. Пятоново (Ядровской вол.) Пск. р-на // ФА ПсковГУ за 2008 г., т. 3, № 93.
- ¹³ Зап. от А. Е. Яковлевой, 1932 г. р., в д. Озерцы (Дубровенской вол.) Порх. р-на // ФА ПсковГУ за 2002 г., т. 1, л. 12–13.
- ¹⁴ Зап. от А. Г. Куренной, 1964 г. р., в д. Алоль (Алольской вол.) Пуст. р-на // ФА ПсковГУ за 2005 г., т. 3, л. 36–36 об.
- ¹⁵ Зап. от К. В. Петрова, 1937 г. р., в д. Влесно (Ильинской вол.) Красн. р-на // ФА ПсковГУ за 2007 г., т. 5, л. 37 об.
- ¹⁶ Зап. от А. И. Ивановой, 1915 г. р., в д. Красная Горка (Новосельской вол.) Стр. р-на // ФА ПсковГУ за 2002 г., т. 6/1582, л. 7–7 об.
- ¹⁷ Зап. от О. И. Пуриной, 1974 г. р., в д. Зародищи (Идрицкой вол.) Себ. р-на // ФА ПсковГУ за 2011 г., т. 3, № 12.

Литература

1. Подробнее см. об этом: Казакова Л. А. Топонимические предания Псковской области (по материалам фольклорного архива ПсковГУ) // Вестник Псковского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки». Вып. 1. Псков, 2012.
2. Кононов А. А. Процесс сселения хуторов на Псковщине (1930-1960-е гг.) // Псков. 2006. № 24.
3. Криничная Н. А. Когда гранит и летопись безмолвны... // Легенды. Предания. Бывальщины / Сост., подгот. текстов, вступ ст. и примеч. Н. А. Криничной. М., 1989.
4. Она же. Персонажи преданий: становление и эволюция образа. Л., 1988.
5. Она же. Предания Русского Севера: реальность и традиции // Предания Русского Севера / Изд. подгот. Н. А. Криничная. СПб., 1991 // URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/pre/dan/iya/index.htm>.
6. Она же. Русская народная историческая проза: Вопросы генезиса и структуры. Л., 1987.
7. Она же. Указатель типов, мотивов и основных элементов преданий // Предания Русского Севера / Изд. подгот. Н. А. Криничная. СПб., 1991 // URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/pre/dan/iya/index.htm>.
8. Повесть временных лет / Пер. Д. С. Лихачева. СПб., 2012.